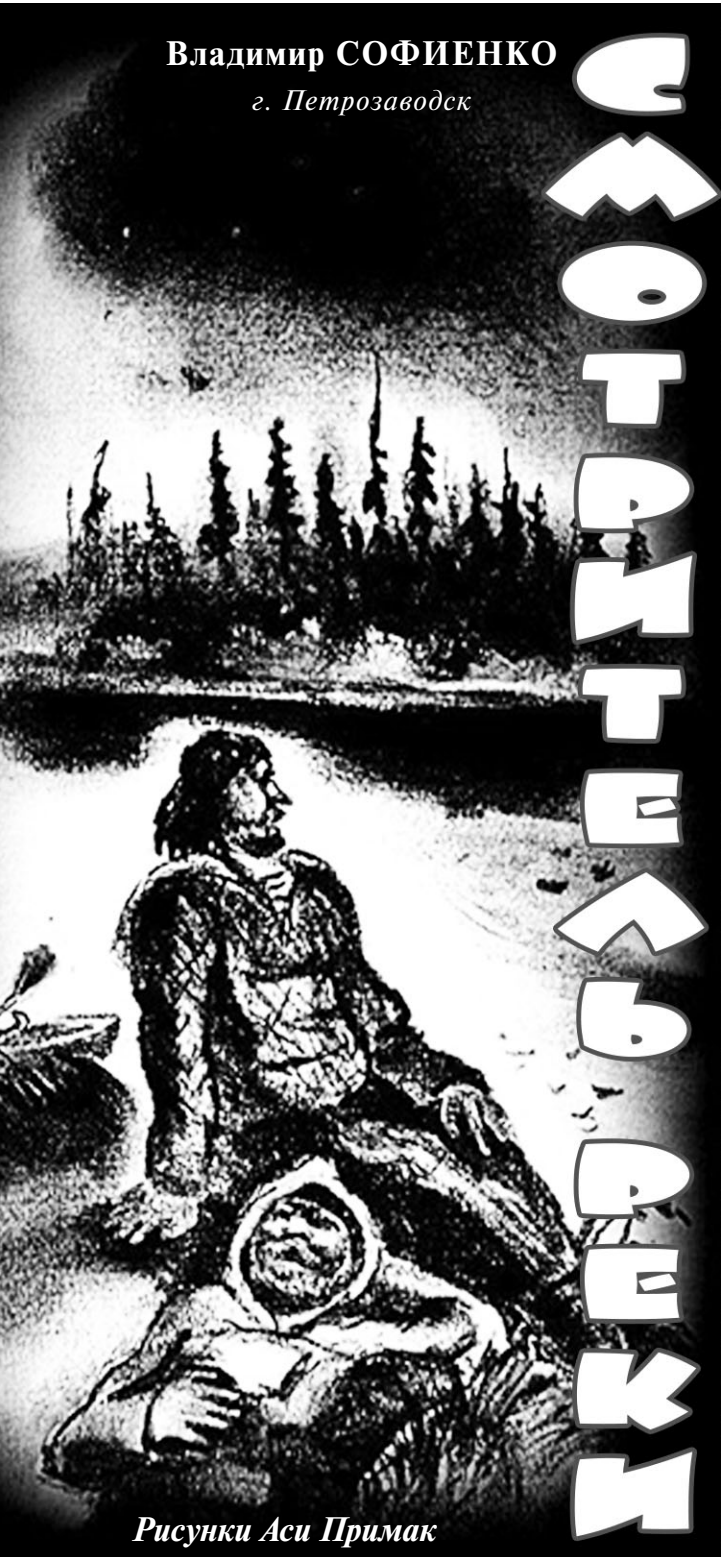

Владимир СОФИЕНКО

*г. Петрозаводск**Рисунки Аси Примак*

УЮТНО У ВАС ЗДЕСЬ

1

Для разговора мы расположились в кухне за обеденным столиком перед пузатым электрическим самоваром, как раз напротив окна с уютными цветастыми занавесками. Моя жена Лена привычно занималась стряпнёй у плиты, мы со Славкой строили планы о предстоящем походе. Вернее, строил их Слава, а я кивал в ответ, соглашаясь с ним во всём. Славе почему-то нравилось бывать в нашей скромной кухне. Голубенькие обои в мелкий неброский рисунок, на стенах — старые шкафчики, обклеенные самоклейкой, всюду — фотографии в рамках, на полочках — фарфоровые статуэтки... Нам с Леной казалось, ничего особенного. Но, засиживаясь у нас в гостях, Славка непременно говорил: «Уютно у вас здесь». Сегодня дело другое. Славка, будто наэлектризованный своей идеей похода, не замечал ничего вокруг.

— Медведь — он не дурак. Ему тоже лишний раз с человеком встретаться неохота. Если в лесу вести себя громко, он никогда не подойдёт, — блистал своими знаниями Слава. — Я вычитал на одном форуме, что туристы в лес берут хлопушки или петарды, чтобы отпугивать зверя. Но об этом позже! — Славик вождественно потер руки, бросив взгляд на плошку с дымящейся горкой цельных отварных картофелин. Облизывая бугристые края, к ее подножию медленно сползал оплавленный кусок желтого деревенского масла. — Это хорошо, что ты уже вернулся. Вовремя. Пойдём по графику, в самый комар. — Он нетерпеливо заерзал на стуле. — Значит, ты точно едешь на Север?

— Точнее не бывает, — ответил я. Но прозвучало это не совсем убедительно, и Славик, утратив интерес к тарелке, впился в меня цепким взглядом.

— Да еду, еду! — поспешил я заверить его, отрезая себе путь к отступлению. Конечно, у меня были опасения: сплав на байдарке — дело нештучное, мне не знакомое. Оставалась одна загвоздка: — Вот только сессия...

— Перенесёшь сессию. Не дрейфь, прорвемся! — заверил Славка.

А я и не дрейфил. Наверное, потому мне не было страшно, что я гнал от себя мысли — как там, на Севере, как он примет меня...

— Ну да... Мы вернемся! Мы обязательно вернемся, — добавил Славик, решив, наверно, что именно это хочет сейчас услышать моя жена.

Лена рассеянно улыбалась своим мыслям, занимаясь закуской. В кухне запахло салом, малосольными огурцами с тархуном. Ее округлившийся животик забавно выпирал из-под цветастого фартука.

Славкины слова мне уж точно оптимизма не прибавили. Но на попятный идти было поздно: уговор есть уговор.

— Возьми побольше теплых вещей: носков шерстяных, тельник, дождевик какой-нибудь, — наставлял меня Слава. — Помню, как-то пару лет назад мы поехали с Гориним...

Он рассказывал о Белом море, удивительных встречах с поморами, их непростых рыбацких судьбах, диких лагерях, разбросанных по песчаному берегу реки Варзуги, и, конечно, о царь-рыбе сёмге, которая, преодолевая стремнины, ходит на нерест.

Славка любит Север. Это знает всякий, кто знаком с его историями. И, наверно, во многом благодаря их магии я без особых раздумий согласился на его авантюру.

Дорога для меня — обычное дело. Еще с юных лет, когда я всерьез занимался спортом, дорога стала неотъемлемой частью моей жизни. А с перестройкой и развалом СССР я, да и вместе со мной половина огромной страны, брошенной на произвол судьбы, запылила «челноками» по дорогам СНГ на колесах Меркурия.

В аэропортах, на вокзалах я всегда с интересом наблюдал за туристами с огромными рюкзаками, к которым были привязаны коврики, покрытые копотью котелки и металлические кружки. Я не против активного отдыха. Сам люблю горные лыжи. Но пластиковые каяки и байдарки вызывали у меня чувство непонимания или даже горькую усмешку. «Нет, — всякий раз при встрече с байдарочниками говорил во мне бывший пловец, — это уж точно не мое. Наплавался».

— ...Конечно, поеду, — выпалил я, когда Слава предложил мне сплав на байдарке по реке Поной на Кольском полуострове. Моё согласие стало полной неожиданностью даже для меня самого. Было это месяц назад.

— Смотри, хорошо все взвесь, — предупредил

он, испытующе глядя на меня. — Дело серьезное. Если сомневаешься, лучше сразу откажись. Когда соберется команда, обратной дороги не будет.

— Я уже решил, Слав, можешь на меня рассчитывать! — заверил я и... уехал на Украину навесить родителей.

Лена тем временем, недолго похлопотав, соорудила закуску. На столе появилась глиняная миска, доверху наполненная дольками мясистых, сочных помидоров с колечками крепкого репчатого лука и тугих пупырчатых, чуть колких огурчиков. Салат оставалось только заправить. Я открыл бутылку с деревенским маслом. По кухне поплыл аромат свежесжатого подсолнечника.

— Так что там, на Украине? — любопытствовал Слава, намазывая на хлеб душистый, пропитанный ядреным чесноком смаец.

— Тепло, — ответил я, — а еще — вот! — Я достал из холодильника бутылку первача.

Славка, заметив мою хозяйственность, тут же предложил мне бластное место «каптерщика»:

— Ну что, будешь у нас в команде главным по продуктам?

— Легко, — согласился я. — А кто еще пойдет с нами?

— Разве я не говорил? — Слава удивленно поднял белёсые брови. — Горин, разумеется. Конечно, лучше бы пойти двумя командами, как я и планировал... Но ты же знаешь — у нас люди долго раскачиваются. А все, кто хотел идти раньше, вдруг нашли себе дела поважнее. Предатели, одним словом! — Слава всегда категоричен в выводах. — Ничего, справимся втроем, — заверил он. — Горин приезжает через неделю. За это время мы должны подготовить снаряжение, закупить продукты и уладить финансовые вопросы.

— И институт... — напомнил я, разливая горячительное по стопкам.

— И институт, конечно, — согласно кивнул Слава. — Теперь нужно выбрать маршрут.

Он извлек из кармана брюк сложенный вчетверо лист бумаги. Слава — талантливый администратор. За месяц с небольшим он познакомился в Интернете с уймой народа: туристами, лесниками, рыбнадзором. В активе его знакомых появился экипаж «Ми-8» и даже капитан небольшого судна «Клавдия Еланская». Помощь этих людей, незримых, но вполне осязаемых, должна была

поступать от каждого в свое время — по мере нашего продвижения по Кольскому полуострову.

— Даже не знаю, что и думать, — то ли в шутку, то ли всерьез сетовал Слава. — Все подозрительно удачно складывается. И не разобрать сразу: бесы ли тянут или силы светлые ведут.

— Ты серьезно?

— Приедем на Север — поймём, — не сразу ответил он глухим голосом. На мгновение его взгляд сделался жестким — он опять изучающе посмотрел на меня, затем опустил глаза в листочек.

«...На этом маршруте самая большая нагрузка приходится на начальный этап (подъем по Афанасии) и на последние дни (преодоление сложного порожистого низовья Поноя), — прочел мне Слава выдержку из отчета туристов. — Но лучше всего сразу добраться до верховья Поноя на вертолете: и продуктов меньше нести, и по времени будет выгоднее. Правда, увеличиваются расходы...»

Славка сложил лист и отодвинул квадратик в сторонку.

— Есть еще пеший маршрут, — толковал он, — но это для большой команды. В любом случае каждый маршрут берет начало в Ловозере. Меня познакомили с одним ловозерцем. Я договорился с ним о ночлеге, ну и в остальном он тоже обещал помочь. Может, лодка понадобится или вездеход...

Мы еще долго обсуждали список продуктов и допустимое количество личных вещей. И всё же что-то не давало покоя Славке. Он непрерывно ёрзал на стуле, будто ища удобное положение, изредка бросал взгляды на мою жену, пощипывал рыжеватую бородку. Он всегда так делает, когда нервничает.

Уже на пороге Слава как можно тише спросил:

— А Лена тебя точно отпустит? Она все-таки в положении...

— Отпустит, — послышался голос с кухни. — Вы только живыми и здоровыми возвращайтесь.

Моя жена Лена принадлежит к тому огромному женскому лагерю, что далеко отстоит от добровольных лишений походной жизни. И она туда же — уж подозрительно легко отпустила меня на Север. Как тут не вспомнить Славкиных бесов?..

В назначенный день Слава приехал ко мне рано утром. Горина с ним не было: накануне отъезда у него открылась язва.

— О легком маршруте придется забыть: денег маловато. Будем идти вверх по Афанасии, — сказал тогда Слава.

Подхватив рюкзаки с провизией, мы вышли на улицу. Утро встретило нас холодной морозью, неприятно и как-то сразу облепившей лицо и руки. Свинцовое покрывало облаков укутало низкое небо до самого горизонта. По унылому двору, подчиняясь порывам резкого ветра, одиноко катилась пустая коробка. Наскакивая на черные, отполированные временем валуны, она подпрыгивала, с шумом ударялась о землю и беспомощно хлопала картонными «крыльями».

Мы вернулись за оставшимися вещами. Уже в лифте, после моего короткого прощания с женой, Слава признался:

— А я ведь до последнего не верил, что Лена отпустит тебя. Остаться одной, в положении, да еще с пацаном на руках... Отчаянная она у тебя. Сколько уже Саше?

— Четыре.

Разговор не клеился. Каждый хотел говорить о главном, но с чего начать, не знал. Наконец Слава как-то неуверенно или даже с опаской, будто боясь оказаться одиноким в своих чувствах, спросил:

— Мандраж-то есть?

— Еще какой! — признался я.

Он удовлетворенно кивнул:

— Это Север зовет.

Во дворе не было ни души, коробка, подхваченная ветром, унеслась, и из-за этого двор показался еще пустынее. Неожиданно громко хлопнула дверь подъезда. За нами выбежала Лена.

— Вышла посмотреть, как тут у вас... — будто извиняясь, сказала она, взглянув на Славкину машину.

Застигнутые врасплох, мы по-гагарински молодцевато улыбались. Лена крепко прижалась ко мне. Она чуть виновато улыбнулась, на прощание махнула нам рукой и скрылась за дверью.

Мотор пикапа завелся с полпинка. Обогнув двор, мы медленно покатали вдоль домов, ми-

мо редких прохожих, сутулящих плечи под порывами ветра. Вскочив из-под кустов, рядом с машиной забумкала та самая картонная коробка. Сердце защемила тоска. На меня вдруг накатило: «Куда я еду, а главное — зачем, почему мне не сидится дома, в тепле? Выйти, пока не поздно! Остаться!»

— Что-то, Слава, меня не по-детски прижало, — признался я. — Со мной такое впервые. Даже когда из Казахстана бежал... Ведь там все оставил... Всех...

— Обычное дело. На Север едем. Думаешь, мне просто?..

Мы притормозили у въезда на мурманскую трассу.

— Ну что, с Богом.

— С Богом, — сказал я.

2

Наш внедорожник уже довольно долго пылил по северным дорогам. Мы остановились заправиться на бензоколонке. Где-то в утробе железного короба перестал жужжать мотор. В узком окошке бензоколонки, шелкнув, замельтешили цифры. Наконец цифровая круговерть замерла. Слава стукнул пару раз о край горловины бензобака изогнутой трубой пистолета и вернул его в гнездо колонки.

Залив полный бак, отъехали в сторонку — передохнуть.

— Держи, Володя, — Славка протянул мне складной нож с изящно изогнутой деревянной колодкой. Широкое в основании, добротное лезвие с саблевидным острием и зубуринами на тыльной стороне приятно холодило мою ладонь.

— Щучий. Где он только со мной не побывал! — Слава любовно поглядел на потемневшее от времени дерево колодки.

— А как же ты?

Под пристальным взглядом сердобольного хозяина нож исчез в моем кармане.

— У меня — вот... — Слава задрал край энцефалитки. На ремне красовался финский нож. Друг еще раз выразительно посмотрел на край моего оттопыренного кармана. — Прошлый раз Горин чуть мое любимое ведро не утопил, гад. Мне тогда пришлось в ледяной воде искупаться...

Я предусмотрительно застегнул карман на молнию, хотя бы так выказав ножу своё почтение.

— Поехали! — скомандовал он, пристегивая ремень безопасности. — Остановок не будет до самого Ловозера.

— Интересно-о, — задумчиво протянул я, — оно от русского «ловить» или английского «любить»?

— Ты тоже обратил внимание? — Слава повернул ключ в замке зажигания, и машина, солидарная нашим тревогам, мелко задрожала. — Что еще это озеро Любви нам готовит?..

Я молча смотрел в окно. Мимо, набирая ход, проплывали развесистые ели. Самые высокие из них, склоняя верхушки под тугими порывами ветра, покачивали нам вслед пушистыми лапами.

Отчего-то мне пришла на ум однообразная пустошь казахской степи, злое солнце и пыльный бинт дороги. Движение там заметно лишь по стрелке спидометра да ухнувшему в яму колесу. Иногда вдоль дороги, словно стражи, вырастают и тут же исчезают столбики-суслики. Совсем скоро ты их не замечаешь вовсе — глаза заняты другим: всматриваясь в бесконечное грязно-желтое полотно, ты пытаешься хоть ненамного приблизить манящий расплывчатый маревом горизонт. Куда уж печальнее картина? Но ведь не было у меня тогда этого мандража, как не было его и в моей щедрой на перелеты и проезды прошлой жизни! Конечно, было страшно, когда под Тюменью мы, закидывая шаланду нашего грузовика, уходили от бандитов. Если бы не скинули их вишневую девятку в кювет... Но те страхи вполне понятны и объяснимы, а откуда пришла эта невидимая сила, державшая меня в напряжении с начала нашего похода? Мне было одновременно интересно и жутковато прислушиваться к своему новому состоянию.

Вопреки планам Славки, остановиться по пути в Ловозеро нам все-таки пришлось целых два раза. Как оказалось, гаишники в тех краях не дремлют. Мы проскочили мимо скрытой в кустах десятки с проблесковыми маячками.

— Им бы еще маскхалаты выдали! — бурчал Слава, запихивая в карман очередную квитанцию на штраф за превышение скорости.

Погода ухудшалась. Дворники, отбиваясь от облака тумана, смахивали с лобового стекла оседающую небесную влагу.

— Сколько раз проезжал здесь — всегда у Мончегорска такая погода. — Было заметно, что Славка тоже нервничает.

Мы ехали по Мурманскому краю. Могучие сосны остались где-то за шестидесятой параллелью, на их место пришли кустарники да низкие реденькие елочки, злыми одинокими палками воткнутые в каменистую почву.

— Сейчас не видно, но отсюда уже начинаются тундры. То, что справа, — отработанная порода. — Мимо нас проплывала черная гора террикона с отрезанной туманом верхушкой. — Правда, похоже на Мордор из «Властелина колец»?

Я кивнул. Вообще, Слава не любит фантастику, но сравнение было точным. Картина действительно удручала. Да к тому же градусник на панели приборов показывал, что за бортом для нас оставалось всего лишь пять градусов тепла.

— На вот, почитай отчет туристов про наш маршрут, — Славка вытащил из бардачка сложенный лист.

Я мотнул головой. Мои тайные чаяния не оправдались. Немного отступив, страх засел занозой где-то глубоко внутри меня, то и дело болезненно напоминая о себе.

— Спирту выпить, что ли? — Я вытер влажные ладони о штаны.

Слава понимающе молчал.

— А все потому, что здесь, на Севере, проходит последний рубеж борьбы добра со злом, — Слава рассказал, что где-то прочел, будто Север — это именно то место, где в последней битве сойдутся ангелы и бесы.

— Здесь человека хорошо видно. Проверено. Бесы так и прут из тебя. Помню, в первый раз мне уж очень туго было. Так что будь готов. Я многих возил на Север. И каждый раз человек менялся, — оторвавшись от дороги, Славка посмотрел на меня пронизывающим взглядом.

— Почему Север? — чуть стушевавшись, я был рад говорить о чем угодно, чтобы замаскировать свою неуверенность.

— Не знаю, — Слава пожал плечами. — Может, потому, что расселившиеся здесь русские саамы — последние язычники Европы? Много здесь всякого намешано. До прихода сюда православных это был край шаманов. Говорят, каждый из них владел искусством боевой магии. Кстати, в

отчетах, — он кинул мне на колени распечатанные листки, — есть много того, что не знал даже я.

Видя мое упорное нежелание вчитываться в бумажки, Слава стал рассказывать о Ловозерских тундрах. В самом их сердце находится озеро Сейдозеро, вдоль которого проходит пеший маршрут мимо культовых камней сейдов и гигантской фигуры великана Куйво. По протоку из Сейдозера можно попасть в Ловозеро и дальше, через Афанасию, — на Поной. Этот маршрут выглядел, конечно, привлекательней, и если бы нас не кинули вдвоем, как сказал Слава, «предатели»... Ну, ладно... Что сделано, то сделано. Байдарку будем тащить бечевой вверх по течению до устья реки Марьёк. Чуть выше начинается волок в бассейн Поной. Этой дорогой, говорят, в одиночку прошел польский карел, писатель Мариуш Вильк. И мы, значит, пройдем...

3

Ближе к Оленегорску туман рассеялся, но мы все же немного поплутали по туманным кольцам объездной дороги, лишенной всяких указателей.

— Бесы шалят. — После напряженной дороги в тысячу верст Слава выглядел усталым.

У водителя из проезжавшей мимо машины с местными номерами мы наконец выяснили нужное направление и свернули на финишную прямую к Ловозеру — озеру Любви. Дорога была пустынной и даже в белую ночь казалась темной. На въезде, будто предупреждая о чем-то, одиноко стояло кем-то забытое фанерное чучело блюстителя порядка. Справа и слева то и дело проплывали покосившиеся поржавевшие плакаты с изображением солдат: «Стоять! Запретная зона!» В стороне, над верхушками деревьев, нацелившись в низкое серое небо, неподвижно висело чуткое ухо локатора.

— Где-то здесь. — Слава остановил машину около двухэтажной «хрущевки», казалось, вынырнувшей к нам из дантевской «Божественной комедии». Справа на доме была вывеска «Бар», слева — «Продуктовый магазин», по центру — «Суд». Слава с кем-то коротко переговорил по телефону. Вскоре от близлежащего дома отделилась тень. После дорожных рассказов мне всюду

мерещилась нечистая сила. Тень оказалась человеком. Спина его была согнута, будто он нес непомерную тяжесть, но шаг был легким и пружинистым, а голова иногда покачивалась в такт ходьбе на длинной худой шее.

— С приездом. Юра, — сказал он, протягивая руку.

Мы тоже представились.

— Я так и думал, что ты Слава, — сказал он, сразу определив начальника нашей экспедиции. — Поехали ко мне.

— Мы не сильно стесним? — Несмотря на договоренность о ночлеге, нам все же было неудобно.

— Нормально. Жена в отпуске, — сказал Юра, усаживаясь на штурманское место рядом с водителем. — Поехали. Дома ужин стынет.

Нам определенно было не по себе. Уже у подъезда дома Слава поинтересовался:

— Как тут у вас, не озорничают? Машину оставить можно?

— У нашего дома не тронут. Но если переживаешь, можно отогнать ко мне в гараж.

Мы решили взять с собой вещмешки и часть провизии. Слава достал пятилитровую канистру со спиртом.

— СМЭ, — сказал он, поймав взгляд Юры. — Спирт медицинский этиловый.

Юрина квартира была на последнем, четвертом, этаже. Дверь не была заперта.

— Володя, располагайся. Суп на плите, семга в холодильнике — режь, не стесняйся. Там же и морошка. Мы недолго. Гараж поблизости, — сказал Юра и повёл Славку перегнуть машину.

— Если что, Димка, родственник мой, отмантулит вас куда понадобится! — разгоряченный спиртом и беседой, говорил Юра.

Мы со Славиком переглянулись, дивясь местному богатырю, который способен «отмантулить» нас обоих — тоже немаленьких.

— Пусть мантулит, но не очень. Нам еще на Поной шагать, — на всякий случай согласился Слава.

— Отвезет, значит, — улыбнулся Юра нашей сговорчивости. — Это так лопари, саамы то есть, говорят: «отмантулить».

От Юры мы узнали, что родом он с острова Врандей, а здесь осел после службы в армии.

— Где служил-то? — поинтересовался Славик.

— А теперь молчи и бледней. — Юрино лицо стало серьезным. Опершись руками о край стола, он, чуть приподнявшись, навис коромыслом над столом. Выдержав паузу, выдал: — Я расторопный десантник-связист!

Слава и Юра слились в объятиях. Слава тоже служил в Морфлоте. В доказательство разнополосого братства Юра показал нам фотографию, где он молодой и в тельняшке. И хотя на мне тоже был тельник, подаренный по случаю Славиком, пехоте в этот клуб по интересам до рога была заказана...

— Да спят тут у меня два бродяги-охламона...

Сквозь полудрему я слышал, как Юра разговаривает по телефону. Я открыл глаза. Удивительно, как вчера еще чужой дом становится своим. В голове шумело. Неуверенной походкой я пошёл побродить по уже знакомой трехкомнатной квартире — надо было раскочиваться и сообразить завтрак. Юра уже успел куда-то уйти.

Не успели мы со Славкой сесть за стол, как он вернулся.

— Все готово, — объявил он. — Димки нет дома, ушел в тундры оленей своих смотреть. Серега, кореш мой, отмантулит вас к устью Афанасии. В устье избушка стоит. Там у деда Андрея заночуете.

— Много у Димки оленей-то? — спрашиваем.

— Да как сказать... — Юра не спешил раскрывать все тайны. — По-всякому случается... В том году троих недосчитался.

— Волки?

— У нас похуже волков зверь имеется... — помрачнел Юра. — Прилетают сюда москвичи позабавиться. Управы на них нет. Погиб тут один в эту зиму — не справился со снегоходом.

Добродушные складки возле его улыбочивого рта сгладились, глаза сузились, губы плотно сжались. Что-то в его взгляде напомнило мне Славкины разговоры про бесов.

— Да вы не спешите, — сказал он, глядя, как мы торопливо уплетаем бутерброды. — Серега только к обеду освободится. У нас даже есть время на осмотр местных достопримечательностей. Музей у нас краеведческий хороший.

— Говорят, перед смертью Пушкин моченой

морошки попросил, — невпопад вспомнил классика Слава, подцепляя ложкой сочную желтую ягоду из варенья.

4

— Юра, а как же дверь? — Я выходил из квартиры последним, а ключей у меня не было.

— Там палка стоит, притули ее к двери. Если кто и придет — будет знать, что дома никого нет, — беспечно махнул рукой хозяин.

Мы поспешили в краеведческий музей. Он оказался на другом берегу судоходной реки, разделяющей городок на две части. Музей встретил нас холодными темными стенами пустых залов. Из черного зева дверей, скрывающих за собой древности самобытной культуры, вышли две пожилые хранительницы наследия саамов.

— Вот, привел, — сказал Юра без лишних разговоров.

— Что ж, пройдемте. — Одна из смотрительниц указала нам на дверь.

Мы шагнули в полумрак и сразу же оказались в глубине веков — перед нами стоял огромный валун с петроглифами. Дальше шли экспозиции, знакомившие с суровыми условиями проживания на Крайнем Севере, предметами быта саамов, орудиями охоты... На каждом рубеже тысячелетий, представленном в другом зале, свет за нашими спинами потухал, освещая теперь грядущие, еще не исследованные нами века. В полном молчании, в окружении предметов глубокой старины, этот путеводный свет вполне мог сойти за мистическое, даже потустороннее явление, если бы за нашими спинами не слышался шелест платья безмолвной смотрительницы.

Спустя пару часов мы были уже на берегу. Как сговорились, нашли Юриного друга.

— Сергей, — коротко представился нам парень в костюме защитного цвета. — Когда выезжаем? — сразу перешел он к делу.

Его казанка уже чалилась у пирса возле гаража, вплотную подходившего к реке среди длинной череды таких же приземистых, крытых железом строений с рыбацкими лодками.

— О стоимости говорить буду я, — шепнул

мне Славка, пока Сергей зачем-то отошел на пару минут в гараж.

Когда тот вернулся, Слава обрушил на лодочника рассудительно-прижимистую логику карела.

Сойдясь в цене, мы погрузили вещи и сели сами. Сергей с лёгкостью оттолкнул казанку от берега. Запрыгнул сам. Мы не спеша поплыли вниз по реке. Вдоль берега, между гаражами, слева и справа, сохли лодки разных мастей. Некоторые уже стояли на воде, но рыбаков не было, лишь на выходе в озеро инспектор рыбнадзора проводил нас долгим изучающим взглядом.

«Озеро Любви» встретило нас непогодой. Взревел мотор. Задирая нос, лодка забиралась на высокую волну и, падая, тяжело шлёпалась о тёмную воду. Встречный ветер швырял в лицо водяную пыль. Вскоре к ней присоединился мелкий колкий дождь. Он неприятно бил, жалил холодом. Укутавшись в плащ, я вглядывался в толщу воды, накатывающую чёрной волной на нос лодки. Сергей, стараясь перекричать шум двигателя и бурчание воды, что-то говорил, указывая на неприветливо выползающие из серой хмари каменистые берега небольших островов. Я вежливо кивал ему, а сам, не слушая, с тревогой ждал высадки. Мне было уютно в нашей посудине, уже не замечал дующего ветра, дождя на лице, привык к глухим ударам волн в днище. Лодка оставалась единственной ниточкой, что ещё связывала меня с теплой Юриной квартирой, дорогой домой... Вот сейчас мы сойдем на берег и начнется... «Когда же мы наконец причалим? Потом на волоке некогда будет думать о чем-то другом», — злился я на себя. Иногда мы переглядывались со Славой, улыбались, мол, всё в порядке. Но на его лице угадывались те же сомнения, что мучили и меня.

— ...Там дед Андрей живет. Вообще-то, он один, но иногда у него жена гостит — баба Лена, — донеслись до моих ушей слова Сергея.

— Где? — не понял я.

Сергей указал рукой. Только теперь я заметил прямо по курсу быстро надвигающийся каменистый берег. Справа, из-за мыса, уставленного елями, выползала тёмная лысина сопки со следами редкой растительности и талого, глянцевого снега на покатом склоне — обычное явление на

севере, несмотря на июнь. Она походила на огромный уродливый горб, кое-где отмеченный седой шерстью.

— Не вздумайте разбивать палатку — дед обидится, — предупредил нас лодочник.

— Прибыли. Тундра, — Слава пристально, как мне показалось, даже с вызовом осмотрел земляной горб сопки. На берегу нас встречал внушительных размеров косматый кавказец, собака то есть. Рядом с ним звонким, веселым лаем заливались две лайки.

5

— Свои! Цыть! — послышалось из-за деревьев. Собаки умолкли. К нам вышел маленький старичок с сухими, но сильными руками и без лишних разговоров стал помогать нам высаживаться на берег — начал тягать из лодки вещи.

— Дед Андрей, — протянул он руку сразу, как только помог отчалить Сергею от пирса. Я пожал его крепкую, с дублёной кожей ладонь.

— Хлеба привезли? — шамкая беззубым ртом, он смотрел на нас, чуть наклонив голову влево. Его черное от загара, изрытое морщинами лицо светилось лукавой улыбкой.

— Только сухари, — я наивно кивнул на бесформенную кучу, только что выросшую на берегу, предусмотрительно накрытую тентом.

Видя, что я его не понимаю, дед Андрей махнул рукой:

— Пошли в дом, а

то промокнем. Это, — он указал на вещи, — можно оставить здесь. Дождь скоро кончится.

Выудив из-под тента вещи первой необходимости, мы зашагали по дощатой дорожке к бревенчатому домику, стоявшему тут же, недалеко от берега в глубине соснового бора. Кавказец уже сидел на цепи у будки. Во дворе, кроме прочих привычных для цивилизованного человека построек, стояла кувакса — переносное жилище саамов. Точно такое же мы видели в музее в Ловозере. Это конусообразный каркас из нескольких шестов и натянутым на них чехлом из оленьих шкур. Я вспомнил агитплакат на музейном стенде: на призыв «Выбирай в туземный совет трудящихся. Не пускай шамана и кулака» сознательные саамы спешат от своих кувакс к пунктам голосования.

На пороге нас встречала старуха.

— Проходите к столу. Проголодались, небось? Вещи — к печке поближе, пусть просохнут.

В сенях было не протолкнуться. Пригнув головы, мы наконец вошли в тепло. Комната была небольшой. Вдоль всей левой стены тянулись крытые оленьими шкурами нары, наполовину завешанные цветастой тряпкой, как занавеской. Справа немытым самоваром охала и потрескивала буржуйка. Рядом — газовая плита, в углу — шкафчик с нехитрым кухонным скарбом. У окна на столе уже дымились темным мясом тарелки. По комнате пополз сладковатый мясной аромат.

— Сёй, сёй, — приглашала к столу радушная хозяйка. Во главе стола стояла плетённая лыском миска с ломтями свежего ржаного хлеба. — Кушайте оленину. Я сегодня из города. Вот свежего хлеба привезла.

«Склероз, наверное, у деда, — подумал я, — вон сколько хлеба». На вбитом в стену гвозде в пакете висело несколько буханок.

— У нас вот тут... Может, за знакомство? — Слава вытащил из кучки «вещей первой необходимости» канистру. — СМЭ?

По хитрому прищурю деда Андрея было понятно, что ему эта аббревиатура знакома.

— Доставай рюмки, бабка, — зашевелился он. — А говорили, что хлеба не везут!..

Разговор за столом оживился. Старики много спрашивали, что да как. Откуда мы, чем дышим, чем живем, чего нам здесь надо.

— Да был тут у нас один... Поляк... — припомнил он. — Только, Вовка, он другой дорогой шёл, не по Афанаське. Здесь с наскака не пройти, — в качестве собеседника дед Андрей почему-то выбрал меня. Может, потому, что я сидел во главе стола и на меня было удобнее бросать свои насмешливые взгляды. Или я лучше понимал его торопливую «беззубую» речь, кто знает?

— Мариуш Вильк? — У Славы разговор не клеился, на все его вопросы дед отвечал скоро, будто отмахивался. Кинет на него острый взгляд, отметит Славкин вопрос, и снова — мне, быстро так, впалым ртом:

— Не помню, как звали. Может, и Вилкой. Знаю, что другой дорогой он ходил.

Слава не намеревался оставаться в тени. Так всегда: чуть на него меньше внимания — он непременно напомнит о себе — не отмолчится. Как рысь на спину. Как какой-нибудь факир, ловко доставал он из своего цилиндра выгаданное к моменту слово, иногда резкое, насмешливое, иногда топкое — с двойным дном. Вступишь в диалог — завязнешь.

— Дед Андрей, пойдём покурим, — сказал некурящий Слава, глядя на сморщенное, цвета варёной картошки, лицо старого саама.

— Сёй, сёй, — баба Лена подкладывала мне мясо. В свои семьдесят она была крепкой и расторопной хозяйкой.

С перекура вернулись быстро. Не знаю, что Слава сказал деду, но тот после их разговора слушал в основном его.

— Вовка, наливай по часовой, — только и шамкал он мне теперь, непременно улыбаясь, — по нашему древнему обычаю.

— ...А что после войны? — вернулся он к разговору. — Я здесь комсоргом работал. Взносы собирал.

— Угу, взносы, много ль насобирал? — зло буркнула баба Лена.

— Из мужиков-то я один считай остался. — Дед Андрей в упор не видел бабу Лену. — Вот и выполнял комсомольское поручение, — он довольно улыбнулся. По всему было видно, что воспоминания его были приятными, — помочь кому по хозяйству или ещё чего...

— А с рыбой как? Сёмгу поймаем? — вызывал Слава. Обо всех охочих местах нам ещё вчера поведал «расторопный десантник-связист» Юра.

— Здесь — нет. Раньше много было. До коммунистов. Теперь только на Поное. Вот хариуса возьмёте. На Афанаське чуть выше по течению и возьмёте.

Будто охотничий трофей, Слава достал из кармана сувенирный брелок, приобретённый в лозерском музее. На фрагменте распиленной оленьей кости среди редких водорослей мастер выжег три рыбки.

— Вот, — сказал он, показывая его сааму, — специально приобрёл. Правда, сначала думал взять с изображением шамана...

— Поздравляю с уловом, — усмехнулся дед. — А что с шаманом не взял — правильно. Не надо лезть туда, в чём не смыслишь.

Слава проглотил нравоучение. Сунул брелок в карман. Достал карту.

— Сначала мы думали пойти вот здесь, — он ткнул в ламинированную бумагу, — хотели посмотреть на сейды, на Куйво...

Дед со знанием дела взглянул на карту.

— Правильно, что не пошли. Карел-то вернётся, а хохол нет, — то ли в шутку, то ли всерьёз сказал он, посмотрев на меня. Я с тоской вспомнил нашу уютную казанку.

— В прошлом году там палатку пустую нашли. Все вещи на месте. В лагере порядок. Никто из зверей не озорничал. А люди сгинули.

Здесь человеку не дано хозяйничать. Не зная слова нужного, сюда идти не надо. Места эти глухие, под Масельгой. Масельга — «земляная спина», значит. Так называют снежного человека, — дед Андрей приосанился, стал говорить неспешно, будто подбирая слова. Выцветшие глаза засветились, неотрывно следили за каждым Славкиным движением. Даже баба Лена перестала хлопотать да приговаривать: «Сёй, сёй!» По всему было видно, что старому сааму не до шуток. Слава не ожидал такого поворота дела — стусевался. Опустил глаза, молчит.

— Ну, и чего ты хочешь? — поглядывая на Славу, дед прищурил глаза.

— Так что за слово такое? — спросил Слава.

— Наливай, Вовка, по часовой, — вместо ответа скомандовал дед.

Выпили. Славик посмелел:

— Дед Андрей, так скажешь слово или нет?

— Оленину ешь, Вовка, пока горячая, — снова попытался переменить тему дед.

— Дед Андрей, скажи — ты что, смотрящий за рекой? — не унимался захмелевший Славик.

Старый саам медленно повернул к нему своё напряжённое лицо. Ещё с секунду пристально смотрел в глаза.

— Ты так больше не говори! — вспыхнул он.

Мне стало не по себе.

— Сёй, сёй! — пришла на помощь баба Лена.

— И то верно, — саам расплылся в улыбке, собирая лицо гармошкой. — Вовка, ты послушай, как во время войны я своего брата и сестру в Кандалакше от людоедов спас, — теперь он говорил только со мной. — Когда нас эвакуировали, состав через Кандалакшу шёл. Голодно было. Много людей померло в то время. Моя мать за кипятком пошла на станцию. Я с ребятами из вагона вышел дохнуть свежего воздуха. В теплушках душно, людей битком, и больных и здоровых... Подходят две женщины. Взгляд у них такой оценивающий, мимо одежды там или обуви. Смотрят тебе в глаза, как в душу заглядывают. Страшно стало. Я ребят — в вагон и сам от греха подальше. А на следующей станции узнали — выкрали они из соседнего вагона девочку пяти лет. Сняли чем-то. — Голос дед стал тише, совсем он захмелел.

Дед Андрей «клюнул» носом. Переглянув-

шись, мы негласно решили укладываться спать. Слава, поблагодарив хозяев за ужин от нас обоих, полез на нары.

6

— Володя, — приветливая баба Лена — Всклонилась ко мне, — пойдём покажу, где у нас удобства. Заодно с собакой познакомлю. Пойдёшь ночью в туалет, она не тронет. — Будто в подтверждение злобного норова пса, на стул, где только что сидел Слава, запрыгнул большущий чёрный кот с покрытым струпами подранным боком.

Будка с кавказцем действительно стояла рядом с тропой. Косматое баскервильское чудовище, чуть ли не вровень со своей хозяйкой, при виде нас весело замотало хвостом.

— Не бойся, — снизу долетал до меня старушечий голосок, — погладь собачку.

Я был во хмелю, и мне, как говорится, было море по колено. Я наклонился. Протянул руку к косматой голове с глазами-блюдцами. Всё мог я предположить в эту минуту — половину своей руки в пасти дикой твари, истерзанные, окровавленные конечности... Но вместо кровавого кошмара, по-театральному раскинув руки, проявив небывалую прыть, его престарелая хозяйка чайкой кинулась ко мне на грудь. Не успел я и глазом моргнуть, как был заключён в её объятья, а секундой позже меня, оглушённого, наградили страстным поцелуем! Опрокинутый на землю, я, быстро работая руками и ногами под любопытным взглядом миролюбивого пса, позорно ретировался на четвереньках вперёд спиной.

Споткнувшись о поленицу у входа и громыхнув пустыми ведрами в сенях, я влетел в избу. Дед Андрей поднял с груди дремавшую голову. Строго посмотрел на меня.

— Это моя женщина! — сказал он.

А я не был против и с ходу завалился на нары рядом со спящим Славиком.

Ночь выдалась тревожная. Заслонив полнеба, на меня надвигалась земляная спина смотрителя этих мест, проплывали лица старушек с хищными улыбками. «Карел-то дойдёт», — беззубо шамкала одна. «Сёй, сёй», — говорила мне другая

голосом бабы Лены и жадно тянула ко мне скрюченные артритом пальцы... Разбудил меня дед Андрей.

— Слезай, — он резко ткнул меня кулаком в спину.

Я слез с нар. В залитой холодным светом белой ночи комнате было душно. На женской, занавешенной тряпицами стороне, ворочалась баба Лена, беспокойно охал дед Андрей. В красном углу по-богатырски дышало остальное мужское население. «Привиделось», — подумал я и вздохнул с облегчением.

На улице было зябко. С озера дул холодный ветерок. В сиреновом небе о чем-то шелестели кроны деревьев. Где-то вверху кулдыкала птица. Вспомнив сон, я невольно посмотрел в ту сторону, где за соснами вздымалась земляная спина тундры. В тот момент мне показалось, что оттуда за мной пристально наблюдают. Холодный ветер залез мне под тельняшку. Поёжившись, я пошёл в избу. Ещё на пороге услышал гомон: за занавеской говорили двое. У одного был неприятный низкий с хрипотцой голос, во втором я узнал деда Андрея.

— Зачем привечаешь чужих? Сколько раз тебе говорено было? — зло басили на нарах.

От этих слов у меня пошёл мороз по коже, будто обмотало меня с ног до головы колючей проволокой.

— Они только на одну ночь, — жалобно шамкали в ответ.

— Пусть идут туда, откуда пришли!

— Они хорошие, только посмотрят — и назад. Можно? — молил кого-то дед Андрей.

— Покажешь дорогу — пеняй на себя! — шипели за занавеской. — И чтобы в последний раз. Больше предупреждать не стану!

— Да, конечно, — облегченно вздохнули за занавеской.

— Что ты там бубнишь? — послышался голос бабы Лены. — Разбудишь всех.

Чтобы не выдать себя неосторожным звуком, я взобрался на оленье шкуры. Вскоре из-за занавески появился дед Андрей. Он сполз с нар, сел к столу, жадно осушил недопитую рюмку, а потом, как после ночного застолья, устало уронил на грудь голову.

Утром мы направились к маленькой дедовой

пристани, где вчера оставили вещи. Как-то сами собой рассеялись ночные кошмары. Забылся странный разговор на нарах.

Солнца не было видно. По-прежнему низко над нами висел свинцовый купол неба. По его тёмному донцу ветер гонял серую хмарь облаков. Вдруг что-то случилось. Часть неба чуть просветлела, и в следующее мгновение серебряным лучом, словно скальпелем, раскесарило небесную хмарь — свод лопнул напополам. Окрашенные в киноварь края всё дальше расползались в стороны, выпрастывая наружу ослепительный солнечный диск.

За каких-то полчаса мы собрали байдарку. Загрузили вещи, равномерно распределив груз по её дну. Узкой элегантной сигарой она покачивалась у берега.

— Ну как тебе «девочка»? — Слава ласкал взглядом обтянутый брезентом каркас.

— Похожа на индейскую пирогу, — легкомысленно отозвался я.

— Сам ты индеец! — Кажется, я задел Славу за живое.

— Садись вперёд на вещмешок, — злился он, — покачай байдарку. Найди равновесие.

Не успели мы порадоваться, как небо снова заволокло. Когда отчалили, на берегу остались дед Андрей и баба Лена. Рядом крутились звонкие лайки. Задрав хвост трубой, важно выхаживал кот с ободраным боком.

— Поветерь в спину! — хрипло пробасили с берега, и этот голос заставил меня вздрогнуть.

До устья Афанасии было недалеко. Я молодец. Быстро освоился в неведомом для меня деле — гребле на байдарке. Конечно, до совершенства было далеко, но главное — я чувствовал нашу лодку, работу веслом по-прежнему зло сопящего за спиной Славика, задававшего ритм нашему движению. Мы скользили по спокойной глади «озера Любви». Впереди широкое устье реки разделял маленький остров с заросшими камышом берегами. Держась правой излучины, мы вошли в реку. За островом она сужалась, тогда мы почти сразу почувствовали её упругое полноводное тело. Налегая на вёсла, мы всё больше теряли силы, отвоевывая у непокорной реки каждый метр пройденного пути. Делать было нечего. Не снижая темпа, повернули к берегу. Оказалось, мы не

первые, с кем так бесцеремонно обращалась Афанасия. В том месте, куда мы причалили, было сложено кострище.

— Здесь заночуем, — решил Славка. — Кто его знает, сколько ещё до следующей удобной стоянки топтать...

В пятистах метрах выше по течению река уходила влево, и, кроме обрывистого берега, покрытого зарослью карликовых берёз, было трудно что-либо разобрать.

— Завтра нагоним. — Слава огляделся вокруг в поисках возвышенного места для палатки — небо сулило дождливую погоду. Я разжёг костёр и принялся за стряпню. Горячая еда и обжигающий чай — что ещё надо, когда на тебя непрерывно льётся с неба? Забыл — ещё СМЭ. Уже в палатке я рассказал Славе о ночной «закулисной» перебранке. Он насупился. Задумался о чём-то.

— Володя, вот ты любишь фантастику... — начал он язвительно.

— Не ты ли мне всю дорогу рассказывал про бевсов и боевую магию шаманов? — я повернулся на другой бок.

Той ночью мне приснились надгробия...

7

Сверху не переставая лил по-осеннему холодный дождь. В моих болотниках противно чавкали намокшие шерстяные носки. Впереди маячила коренастая спина Славика: с нажимом бульдозера он проминал тропку в карликовых берёзках. Мы шли вдоль русла порожистой реки. Слава тянул бечевой байдарку вверх по течению, я отталкивал её веслом от берега. «Интересно, — думал я, — кому сейчас тяжелее: Славику или мне?» Этот вопрос мучил меня с тех пор, как я в очередной раз соскользнул с крутого глинистого бережка в быструю реку. Спасая лёгкое дюралюминиевое весло, пришлось пожертвовать сухостью ног.

— Воду из сапог не выливай, — посоветовал тогда Славик, — ноги замёрзнут.

Можно подумать, моим ногам в промокших сапогах было тепло. Время тянулось нескончаемо долго. Будто отупевшие от усталости, мы молча передвигались вдоль прибрежных

зарослей по течению реки. Иногда после очередного всплеска воды за спиной Славка безразлично кидал через плечо: «Жив?» Я мрачно отвечал: «Жив!» и вновь выходил на берег, поднимал ненавистное отяжелевшее весло. Мы шли дальше. Когда терпеть холод и сырость становилось невозможно, мы, устроившись на камнях или прямо на земле, пили разбавленный спирт. Говорили мало. В основном про маршрут. Каждый раз Слава доставал из кармана карту, подолгу всматривался в извилистую синюю змейку реки. Щипал ржавчину бороды. Затем сворачивал карту. И это означало, что нам пора идти дальше. «А чего ради, собственно, идти? — зло думал я. — Вот во время войны партизаны — это понятно. А мы что?..» Я пропыхтел в спину Славе про партизан. Он обернулся, лягнул меня взглядом. Это я нарочно. Он вообще не любит, когда про партизан...

Небольшой каменистый уступ с острыми, словно бритва, краями грозил распороть брезент байдарки ниже ватерлинии — я отчетливо увидел эти каменные лезвия в прозрачной воде. И опять я подошёл слишком близко к предательски заросшему берегу. На сей раз Славка даже не обернулся. «Черт меня дёрнул идти в этот поход! — про себя ругался я. — Хотя черт здесь ни при чем. Это всё Славка!» Мы шли и шли вперёд, минуя крутые повороты Афанасии, изматывающие пороги, доводящие до бешенства заросли корявых упругих стволов. На Славе был спасательный жилет. Лямки, обхватывающие ноги, впились в ягодицы так, что со спины Славка был похож на борца сумо. Да и спереди тоже — так мысленно отомстил я ему за свою усталость. А с другой стороны... С другой стороны, всё-таки это было здорово! Мы делали тяжёлую мужскую работу. Делали её вместе. Знали — каждый готов прийти другому на помощь. Ныли мышцы, невыносимо ломило поясницу... Но всё же я ловил себя на мысли, что нам обоим это нравится. Я точно знал, что Слава чувствует сейчас то же, что и я, и от этого становилось легче. От навалившейся усталости я даже не заметил, как оборвалась полоса зарослей. Вязкая заболота берега тянулась ещё метров сто, а дальше издёвкой возвы-

шалась чащоба выше нашего роста. Рядом с берегом была небольшая полянка с поваленным сухим деревом. Мы вытянули байдарку на каменистый пляж.

— Чего ты там плещешься? Не наплавался, что ли, в своём бассейне? — ехидно ухмыльнулся Слава.

— Да ну тебя! — отмахнулся я. У меня не было ни сил, ни желания отвечать на его колкости.

— Ладно. Ты пока отдохни, а я разведу, что там выше по течению. Посмотрю место для ночлега. Здесь как-то неудобно. — Слава протянул мне пластиковую бутылку: — По глотку?

— Тебе не кажется, что за нами всё время кто-то наблюдает? — спросил я его, отхлебнув добрый глоток.

— Да нет здесь никого! — попытался беспечно отмахнуться он.

Однако по тому, как Славик огляделся по сторонам, я понял — он сам не верит в то, что сказал.

Обходя прибрежные кусты, Славка поднялся на гребень и ушел в лес. Из-за сосен до моих ушей долетела мелодия какого-то марша. «Медведей, значит, отпугивает», — вспомнил я наставления Славы.

Я завалился на спину. Спасательный жилет уберегал меня от холода, которым тянуло от земли. Глоток спирта обволок меня теплом, тело обмякло, мысли вяло текли вместе с шумом реки прочь отсюда — домой. Я закрыл глаза, чтобы не видеть серой тяжести неба, гневно нависшего надо мной...

8

Мне показалось, что кто-то толкнул меня в бок. Я открыл глаза. Сверху — всё то же свинцовое низкое небо. Сколько же я проспал? Сел, огляделся по сторонам. Славы нигде не было. Я размял ноги на маленьком, усеянном валежником пятачке поляны. Снова позвал Славку — тишина. Только эхо, оттолкнувшись от левого берега, вернуло мне бумерангом мой тревожный голос. Солнце клонилось за макушки сосен, на пляж легли длинные тени. Славика всё не было. Может, что случилось? Может, где ногу подвернул? Воображение рисовало тело, неестественно лежащее

среди поваленных, изъеденных трухой стволов. Я почти видел искаженное гримасой боли лицо моего друга — он молил о помощи.

«Медведь?» — подумал я и не на шутку испугался. Вообще, я никогда не боялся медведей и даже при случае кидал через клеть в зоопарке какое-нибудь лакомство. Мишка вставал на задние лапы, разевал пасть, демонстрируя клыки, кружил, выпрашивая гостинцы. Однако перспектива встретить его здесь, где-то у чёрта на куличках, в богом забытом краю, без оградительной стены из металлических прутьев представлялась мне крайне нежелательной. И это еще мягко сказано. На этот случай у меня в кармане лежала Ф-1. Я выудил небольшую ручную гранату — этакая ёлочная хлопушка. Ф-1 утопала в моей ладони — жалкая маленькая пугалка. Почему-то в супермаркете она выглядела солиднее. Слава взял их аж четыре штуки.

«Что ж, теперь я во всеоружии», — вслух вырвалось у меня с нервным хохотком.

Идти вдоль берега искать истерзанные останки Славика? Наверняка что-то случилось. Не мог он так надолго уйти. Сколько же я спал? Надо развести огонь — дым отгонит зверьё, пока меня не будет. Потом на волокушах притащить Славку сюда. Мы не так далеко отошли от избушки деда Андрея. Ночь переждём здесь, а утром сплавимся вниз по реке. Я посмотрел на байдарку, прикидывая, как ловчей расположить между вещей останки Славика. Почти что элегантная, низкая, длинная лодка среди стеблей тростника действительно напоминала индейскую пирогу. Зря Слава тогда обиделся на меня за это сравнение. В голове звучал минор реквиема, а перед глазами печально проплывала байдарка, унося к низовьям Афанасии тело Славки, будто индейского вождя из книги Фенимора Купера. Вообще, Слава не любит, когда про индейцев. То есть не любил...

Я спустился к байдарке. Достал топор, заткнул за пояс.

«Ойса да ойса, ты меня не бойся,

Я тебя не трону, ты не беспокойся», — затаил я плясовую шуточную песню казаков. Под ногами трещал сушняк. «Медведь не дурак, —

вспомнил я. — Если в лесу вести себя громко, он никогда не подойдёт», и ноги сами стали пританцовывать. «Что ж, шуму с лихвой, — успокаивал себя, — тем более что Славкин мишка уже, наверное, сыт».

Хорошо, никто не видел, как я выделывал в этой глуши казацкие коленца.

«Ойса-са-а!..» — эхом подбодрили меня с противоположного берега, когда я зашёл на гребень, где канул в неизвестность Славка.

*«Дайте в руки мне кинжал,
дайте ножик-финку,*

Я поеду на Кавказ танцевать лезгинку!» — так ответил я левому берегу.

Неожиданно навстречу вышел Слава, живой и невредимый. Я даже немного разочаровался: уж слишком красиво в моем воображении уносили пирогу с ним волны вечности...

— Ты уже один нож профукал. Щучий. Мой любимый, — мрачно хмыкнул Слава. — Здесь недалеко хорошая стоянка. Сейчас чая хлебнём и тронем дальше...

9

«Что-то напутал Славик. Не мог здесь пройти в одиночку с лодкой Мариуш Вильк, — думал я, сливая из сапог воду. — Пешим ходом — поверю. Но чтобы вот так, одному, с лодкой, да по порогам и корягам! Дед Андрей прав: Мариуш другой дорогой шёл». Ещё час мы продирались сквозь кусты к месту будущей стоянки. Разбили палатку. Я приступил к готовке ужина, а Слава, наконец расчехлив мудрёные рыбацкие снасти, молча пошёл удить рыбу. Он злился на меня. Сегодня утром выяснилось, что я профукал тот драгоценный Славкин нож, который он мне вручил, и где-то забыл его новый садок. И это в самом начале пути! Насчёт ножа, допустим, я согласен. Но при чем тут садок — я, ей-богу, не пойму! Я чувствовал свою вину, и Славка, пользуясь этим, де-факто назначил меня ответственным за свои вещи.

Дождь совсем перестал, и я наконец смог развесить у костра свои носки. Вытянув ноги к огню, я наслаждался покоем и теплом. Рыжее пламя весело охаживало закоптелые бока ко-

телка. Вода внутри сердито шумела, вот-вот готовая взорваться пузырями. «Чего я сюда попёрся?» — в очередной раз задал себе вопрос и вдруг опять поймал себя на мысли, что всё-таки мне эта затея чем-то нравится. Я вспомнил, что вот так же думал на тренировках. И не мысли это вовсе, а скорее хлёсткие щелчки плетью. Рассуждать было некогда. Ничего лишнего — только о том, как не выйти из жесткого режима задания, перетерпеть вязкую, ноющую боль в грудной клетке. Не отстать от других. Дотянуть! И ещё не слышать, как орёт тренер, потрясая секундомером (чего проще — бегать вот так по бортику и орать!). И после всего этого вполне логично звучало: «Брось всё. Зачем тебе это надо?» Но за десять секунд положенного отдыха ты успеваешь сделать три долгих выдоха в воду, потом перепонки раздрает ненавистное «Ап!» — и снова борешься с усталостью, мыслями-изменниками, водой, секундами, что быстрее тебя... Для чего это было, почему нравилось — теперь не знаю. Раньше думал — для того, чтобы быть первым, слышать гимн в свою честь. Теперь, сидя у костра, понимал: не для этого. Наверное, есть вещи, о которых четко знать не надо — нужно лишь почувствовать, уловив одну идею, не пытаюсь словесно ее для себя сформулировать, чтобы не возвести в незыблемое правило.

На берегу что-то случилось. Орал Славка. Ещё немного, и я, чуть не опрокинув котелок с уже готовыми макаронами по-флотски, выскочил к реке.

— Моя родная!!! — Оказывается, Славик может быть ласковым.

Он держал в руках рыбу с красивым широким спинным плавником и зеленовато-перламутровым отливом чешуи. Держал так, словно она посулила ему чёрт знает чего. Глаза его светились радостью и нежностью. Он ещё что-то шептал слабо трепещущей в его ладонях рыбе, пока она не затихла. Это был первый улов в нашей экспедиции и первый Славкин хариус.

— Засолить сможешь? — Слава торжественно, с гордостью передал мне свою добычу, будто это была шкура убитого медведя — не меньше.

— А то! — Хариус помирил нас. — Дай нож — я разделаю.

Славик ещё раз проучил меня взглядом, припоминая дорогую потерю, а потом всё же протянул нож и, подхватив удочку, помчался к реке.

— Ужинать когда будем? — крикнул я ему вслед.

— Не сейчас. Может, ещё на уху наловлю.

10

Всю ночь вокруг нашей палатки ходил медведь. Я знал: это именно он. Я слышал его тяжёлую поступь, как шуршал, проминался под его огромными лапами настил из хвои. Иногда он останавливался и шумно втягивал воздух. Петь песни было уже поздно. Если медведь не побоялся Славкиного храпа, то последнее, что могло его испугать, были масштабные военные учения. «Ф-1» не в счёт. Иногда его шаги были особенно отчетливо слышны, и тогда мне казалось, что ещё чуть-чуть, и он сомнёт нас вместе с палаткой. Ещё до меня доносились его возня и тихое металлическое побрякивание. Я понял: миша доедает макароны по-флотски. Мне стало жаль, что мы оставили так мало себе на завтрак. Было ясно, что этим зверь не насытится. Славку разбудить я не мог из-за сковавшего тело ужаса. Да и чем бы он помог? Бросил бы в медведя связку своих хлопушек? Я вспомнил, что за ужином почувствовал на себе чей-то недобрый взгляд, как в ту ночь у избушки деда Андрея. Будто присматривает кто-то за нами из-за деревьев. Трудно передать, что именно я ощутил, но чувство это вселяло страх. «Да нет здесь никого», — неуверенно тогда сказал Слава, озираясь по сторонам.

Уже под утро, наплюхавшись в реке, медведь снова вернулся к палатке. Обошёл её. Постоял со стороны Славы, задержался у изголовья и замер возле меня. Я не дышал. Вдруг огромной силы лапа протиснулась под палатку, вздыбила мне поясницу, изогнула спину коромыслом. Открыв рот, я беззвучно кричал. Моё горло парализовало. Слова застряли, не желая выходить наружу. Тишину утреннего кошмара разрезал визг пилы. Так же неожиданно лапа исчезла, не причинив мне вреда. Я открыл глаза. В палатке, в спальнике было уютно и тепло. Снаружи накрапывал дождь. Там же, в шуме дождя, двое пилили дерево поперечной пилой. При слаженной работе звук был чистый: так зубья пилы рвут

древесину. Когда кто-то из вальщиков выбивался из ритма, пила звенела изогнутым полотном, её мелодия ещё летела некоторое время сквозь неторопливый дождь, пока вновь не приступали за работу труженики-зубья. Заворочался и вылез из спальника Слава.

— Ну, ты дал! Всю ночь мне спать мешал — храпел.

— Ты слышишь? Кто-то рядом лес валит! — Мне казалось странным, что Слава говорит о такой ерунде, когда в этой глуши кто-то пилит деревья.

— Ага. Твоя бригада, где ты всю ночь работал трелёвочником, — хохотнул Славик. — Это шур — птица такая. Северные жители называют ее сторожем ночи. Пойдём завтракать.

— Ночью, кажется, приходил медведь, — остановил я Славу.

Он замер спиной ко мне. Через секунду обернулся.

— Ты видел? — Слава нахмурился.

Я рассказал ему о своих ночных переживаниях.

— Если бы он приходил, то... И вообще, Володя, есть такое поверье: не хочешь с ним встретиться — не называй по имени. Приснилось тебе всё. Вчера — надгробия наши с открытыми датами, сегодня — вот это... — Махнув рукой, он вылез из палатки.

Теперь я уже и сам понял, что это был сон, но, выйдя под мелкий дождь, всё же прошёлся вдоль палатки, ища следы непрошеного гостя.

11

Третий день пути был днём открытий. Во-первых, до нас наконец дошло, что идти легче, не надевая спасательных жилетов. Во-вторых, если привязать к середине борта вторую бечеву, то байдаркой может управлять и один Слава — течение само выталкивало лодку к центру реки, оставалось лишь чуть притянуть к себе борт и отпустить нос. Мы уже привыкли к морозящему дождю и холоду. На коротких привалах, пережидая под тентом краткосрочные ливневые полосы, мы развлекали спирт бурлящей водой порожистой Афанасии, и тогда становилось ясно, что занесло нас в места небывалой красоты. Я доставал фотоаппарат. Мы принимали решительные,

полные мужества позы первопроходцев. В эти минуты забывалось о натопанной тропе, идущей выше зарослей кустов, о кострищах, оставленных кем-то до нас, о тех, кто, оставаясь невидимым, отмечал каждый наш шаг. Дождь утихал. Мы сворачивали тент и снова шли вперёд, погруженные каждый в свои мысли.

— Сегодня ужинать будем ухой! — решительно заявил Славик. Он размотал удочки и спустился к реке. — Я знаю имя одного беса, он-то и поможет с рыбкой. Пойдёшь удить?

— Не-а, я ещё не обзавёлся бесом-рыбаком, — отшутился я.

В котелке на углях аппетитно булькал плов. Тут же нагревались небольшие плоские камни. Я помешивал плов, переворачивал с боку на бок камни, будто пирожки. На тент падали редкие дождевые капли.

Сегодня днём во время переправы через приток Афанасии мы чуть не лишились байдарки и всего нашего скарба. Порвалась бечева, и лодку понесло на пороги. Я прыгнул в воду и успел схватить байдарку за корму. Это была последняя пара сухих носков.

Сунув в плов, как в грядку, головку чеснока, я плотно закрыл крышкой котелок. Плов должен был ещё немного потомиться. Тонкий аромат мешал сосредоточиться на главном — сушке носков. Из углей я выуживал горячие камни и, изловчившись, засовывал их в носок, затем помещал его между двумя такими же, нагретыми в костре. Как выяснилось, занятие это не из простых, требующее определённой сноровки. Мне казалось, что при высокой влажности и низкой температуре это был единственный способ просушить вещи.

Рыбалка не шла. У реки Слава выкрикивал имя «беса» и закидывал удочку. Наверное, он решил, что это единственный выход отведать ухи. Так и вышло. Спустя время Слава принёс двух хариусов, сам стал готовить добычу.

Славка в ухе знает толк. Это сразу видно. Уха — это его! Обжигаясь, в нетерпении мы глотали плоды его рыбацких и кулинарных трудов.

Солнце катилось по дуге белой ночи. Привычно шумела порогами река. Где-то «пилил» своё дерево «ночной сторож». Разомлев от вкусного

ужина, тепла костра и СМЭ, мы говорили обо всём, строили планы на следующий день. Вспоминали деда Андрея, бабу Лену, его странное то ли предупреждение, то ли предсказание: «Карел-то вернётся, а хохол нет». Вдруг стало совсем тихо у костра. Вокруг — ни звука. Не слышно даже шума воды.

— Такого странного похода у меня ещё не было, — признался Слава, нарушив зловещую, почти что потустороннюю тишину. — Не хотел тебе говорить, — он отвёл глаза в сторону, — мне тоже кажется, что за нами кто-то пристально наблюдает.

Я согласно кивнул.

Тишина стала невыносимой. Мы огляделись по сторонам...

12

Его приближение было похоже на треск трансформаторной будки, на шум в проводах ЛЭП во время сильного снегопада, на частые щелчки электроскопа. Сканируя пространство, он всё ближе катил к моему изголовью. Разминуться мы с ним уже не могли. Сердце бешено колотилось, но даже его стука я не слышал из-за нарастающего треска. С ужасом обречённого я ждал, когда он подойдёт слишком близко. А он без лишних сомнений как-то сразу, нагло вошёл в мою голову, наполнил её шумом своих «электронов», передал их волнение моему телу. Собрав свои щупальца, шар ещё мгновение пребывал во мне, затем как ни в чем не бывало, словно преодолев очередную помеху, продолжил свой путь дальше. Ещё некоторое время по затухающему следу я мог определить его направление...

Славик опять злился. Наверное, он ждал, когда из меня попрут бесы, а из меня по утрам выходили только рассказы о моих фантазмагоричных снах. Может, эти сны и есть бесы? Кто знает?..

— Выбрось все свои шары из головы, — говорил он, укладывая палатку, — а то в самом деле «карел-то вернётся, а хохол нет».

— С шарами или без? Куда я денусь? — улыбнулся я. — Меня баба Лена благословила в дорогу.

Это решение давалось непросто. Двое суток мы отлёживались в палатке — восстанавливали силы. Трудно сказать, от чего мы устали сильнее за эти четыре дня пути: от дождя, холода, нескончаемых зарослей вдоль реки или преследующих глаз. В этом стоворе молчания, окружающем нас, даже деревья казались злыми стражами. Мы боялись показаться слабыми, но каждый из нас уже задал себе главный вопрос: идти ли дальше? Я читал его в глазах Славы, он — в моих. За готовкой и разговорами ни о чём мы ждали, кто об этом заговорит первым. Было трудно принять, что ты не справился, ещё труднее — сказать об этом. Сложнее всего было Славке. Он задумал этот поход. Жил им несколько месяцев. Не сговариваясь, всю ответственность взял на себя. Я был готов поддержать любое его решение, и он об этом тоже знал.

Слава всё больше молчал, уходил в себя. Он по-минутно разворачивал карту, что-то в ней выматривал, щипал бороду, снова засовывал карту в карман. Потом уходил вверх по течению, а вернувшись, подолгу молчал у костра. Спускался к реке с неразмотанной удочкой и возвращался ни с чем. За деревьями тоже, кажется, прислушивались — ждали. Наконец за ужином, протянув мне пластиковый бутыл, он сказал:

— Как думаешь, мы готовы идти дальше? — Слова давались ему с трудом.

— Идти — готовы, но из графика уже выбились. На «Клавдию Евланскую» можем не успеть, — осторожно ответил я. Сдаваться — так вместе!

Выпили, помолчали.

— Как-то не очень возвращаться... — Слава ждал моей поддержки, я слышал это по его голосу.

— Хоть покажешь мне, что такое сплав...

Славик улыбнулся:

— К бабе Лене не терпится?

Мы рассмеялись. Наверное, от наступившей определённости нам стало легче. Наверное...

Ночью перестал лить дождь. Словно подтверждая правильность нашего выбора, выглянуло солнце. Небо впервые улыбнулось нам синевой, ветер лениво играл белоснежным руном облаков. Мы стали собираться в обратный путь. Только теперь мы заметили, как обмелела река Афанасия. Предательскими камнями, словно минами, ощетинилась она там, где ещё вчера их будто и не было. Я занял своё место на носу байдарки.

— Володя, не дай нам напороться на камни.

— Поветерь нам в спину, — сам себе сказал я и оттолкнулся веслом.

□

Владимир Геннадьевич СОФИЕНКО

родился в 1968 году в г. Темиртау (Казахстан).

Окончил Карельскую государственную педагогическую академию.

Психолог-тренер.

Пишет прозу.

Автор книг «Ожидание в 2000 лет»

и «Под солнцем цвета киновари».

Член Союза молодых писателей Карелии.

Живет в Петрозаводске.

